

Александр Глебович Рап – почетный профессор МГИМО (У) МИД России и НИУ ВШЭ, член Консультативного совета Валдайского клуба, научный директор Немецко-российского форума

Россия ставит на G20

С о времени завершения bipolarного мира глобализация набирает обороты. Признаками возникновения нового мирового порядка являются утрата значения издавна сложившихся национальных границ, ослабление национального государственного суверенитета, возникновение мощных экономических региональных блоков, появление международного режима санкций, создание международных судов, провозглашение приоритета либеральных ценностей – верховенства закона и демократии как всеобщих прав человека – над законами и установлениями национальных государств. Не все культурные нации следуют этой идее нового мирового порядка. Граница конфликта между новой цивилизацией Постмодерна и цивилизацией традиционной пролегает через исламский мир и Евразию. На Западе, откуда исходит импульс для нового миропорядка, граница конфликта не видится как фронт столкновения цивилизаций. Запад, убежденный в универсальной силе

своей миссии распространения демократии, свободы и прав человека, называет это борьбой современного просвещенного человечества с коррумпированными, авторитарными диктаторами или тоталитарными идеологиями. Он верит в мировую революцию нового глобального среднего класса (современной буржуазии) почти так же, как 100 лет назад, после Октябрьской революции, в угаре мировой войны большевики верили в то, что им удастся повести за собой пролетариат всего мира к победе мировой коммунистической революции. Разумеется, идеалы современной свободы, верховенства закона и прав человека морально несопоставимы с попытками столетней давности смести старый миропорядок путем революции мирового интернационала рабочих и крестьян. Однако нынешний мир становится свидетелем революций, прогрессивной идеи современной свободы, которая может воспламенять народы. Передовые идеи свободы всегда были движущей силой глобальных перемен человеческой истории. Но

тогда возникает другой вопрос — вопрос о власти и лидерстве в деле воплощения передовых идей в жизнь.

Вопрос о том, кто сегодня является архитектором нового миропорядка, пока остается открытым. В то время как для одних очертания будущего мироустройства видятся в вестернизации, другим мнится, что мир погружается в хаос. Нет всеобъемлющего мирового управления, потому что нет согласия относительно общих правил будущего миропорядка.

С формальной точки зрения Совет Безопасности ООН представляет собой своего рода мировое правительство с 1945 года, заменив Лигу Наций. Но он недееспособен, потому что зачастую интересы обладающих правом вето держав вступают в противоречие. Россия и Китай не являются сторонниками идеи нового либерального мирового порядка. Они призывают к укреплению традиционных форм государственности.

По окончании холодной войны создание G8 выглядело как учреждение нового миро-

G8 сыграла немаловажную роль при стабилизации Европы после развала биполярности, но на сегодняшний день этот институт изжил себя, потому что представляет только Запад.

вого порядка — под руководством США и при участии второй в мире ядерной державы — России — в роли младшего партнера Запада. Этот институт сыграл немаловажную роль при стабилизации Европы после развала биполярности, но на сегодняшний день изжил себя, потому что представляет только Запад.

С начала нового тысячелетия, особенно с тех пор как западный мир экономически и политически поражен финансовым кризисом, G20 постепенно превращается в новый глобальный орган консультаций по принятию важнейших решений. В G20 за одним столом заседают крупнейшие развивающиеся экономики и будущие мировые державы, такие как Китай, Индия, Бразилия, то есть страны БРИКС. G20 впредь может развивать альтернативную или единую глобальную экономическую повестку дня. Пока «двадцатка» не занимается вопросами безопас-

ности, подобно тому как это делает «восьмерка» в случае с Сирией. Но перемещение центра тяжести мировой экономики и мировой политики из Европы в Азию заставит G20 обратиться и к вопросам глобальной безопасности.

В рамках G20 Россия является важным субъектом формирования нового многополярного миропорядка, а наряду с ЕС, Китаем, Индией та же Россия составляет равноправный с США политический полюс. Россия в качестве председателя в G20 будет проводить саммит в Санкт-Петербурге, на котором могут возникнуть предложения по реформе ВТО, реструктуризации мировой финансовой системы, а также инициатива по лучшему регулированию отношений между богатыми и бедными странами и по вопросам энергообеспечения.

Россия также хотела бы затронуть на саммите «двадцатке» идеологическую сторону

будущего мироустройства. Не случайно Владимир Путин готов обсудить в рамках следующей сессии авторитетного Валдайского клуба тему формирования идентичности государств в XXI веке. Речь идет о том, в какой мере государственный суверенитет дальше имеет право на существование в современном мире и в какой степени государства стремятся к некоей «общей идентичности» на базе «общих ценностей». Можно ли себе представить мир, состоящий не из государств, а из региональных блоков по модели ЕС? И если да, то кем такой мир будет управляться?

Некоторые лидеры ЕС видят свою перспективную цель, равно как и оптимальное будущее для Европы, в создании Соединенных Штатов Европы. И в таком контексте понятна позиция России, которая ни в какие Соединенные Штаты не войдет, а будет развивать собственное представление о второй «Большой Европе» — Евразийском союзе — для государств, которым не удастся или которые не захотят попасть в будущую Европу западного образца.

Эксперты на Западе часто называют Россию отсталой страной, неспособной конкурировать в условиях современной мировой экономики и, следовательно, обладающей незначительным политическим весом. Однако в России целый ряд представителей научного и экспертно-аналитического сообществ отстаивают теорию, которая противоречит основам экономически ориентированного понимания конкурентоспособности в современном политическом контексте. Сторонником этого направления является, например, президент ОАО «РЖД» Владимир Якунин, входящий в круг ближайших советников президента России. Якунин считает, что конкуренто-

способность страны зависит от ее способности к успешному и гармоничному развитию в долгосрочной перспективе при сложившихся внешних условиях. Для этого имеет первостепенное значение размер государства, независимая внешняя политика и доступ к ресурсам. Суверенный характер государства остается приоритетной задачей — по контрасту с глобалистским устремлением форсированными темпами ликвидировать исторически сложившиеся национальные государства.

По какой схеме будет разработан новый мировой порядок — в соответствии с западной концепцией глобализма или по многополярной модели России и стран БРИКС?

Россия утверждает (и тем отличается от Запада), что линии противостояния мировой политики в XXI веке более не совпадают с разделительным барьером, свойственным XX веку и пролежавшим между либеральными и тоталитарными политическими режимами. Наибольшее беспокойство вызывает ситуация с энергообеспечением на нашей планете. В ближайшие 40 лет население мира ожидает беспрецедентный демографический взрыв — с шести до девяти миллиардов человек. Между тем мировую политику по-прежнему определяют государства, обладающие ядерным оружием. Вполне вероятно, что конфигурация сил в мире в XXI веке станет зависеть от других критериев. С учетом все более осязаемого сырьевого кризиса мировая экономика может оказаться под более жестким контролем стран, которые владеют необходимыми полезными ископаемыми. Возможность диктовать цены и контролировать мировые транспортные пути предоставит этим странам огромное влияние.

Серьезный конфликтный по-

тенциал этих вопросов уже сегодня наглядно демонстрируют отношения в области энергетики между ЕС и Россией. ЕС боится слишком большой зависимости от российского энергоснабжения и делает все, чтобы диверсифицировать или даже сократить поставки энергии из России в Европу. Такие страны, как Германия, вообще хотят создать у себя экономику, существующую на 80 процентов на альтернативных энергоисточниках. Россия же со своей стороны изо всех сил консервирует такую зависимость соседних стран от экспорта ее энергии. Если бы не было этого противостояния, энергетический альянс России и ЕС мог бы стать успешным совместным проектом и привести к долгосрочному объединению континентальной Европы.

Глобальное потепление способно спровоцировать войны за продовольствие, сельскохозяйственные угодья, воду и сырье. Аналитики в России задаются вопросом, не стоит ли Москве в связи с нарастанием угрозы всемирной борьбы за перераспределение ресурсов сосредоточиться на укреплении военной защиты богатой ресурсами сибирской территории? Ведь почти 80 процентов товарооборота России с внешним миром составляют сырье и энергоносители. Кремль внимательно изучает концепции, которые разрабатывают западные аналитические центры, предлагающие поставить все стратегически важные сырьевые области мира под международный контроль. В мире, где государственные границы теряют значение, не так уж утопично представить себе, как ООН санкционирует войну против государства, которое нарушает, например, правила международной защиты климата и допускает массовое загрязнение окружающей среды.

Но не будем забегать так далеко вперед. Мы не знаем, какие политические системы способны адекватно ответить на подобные угрозы завтрашнего дня, какие политические режимы в будущем смогут прокормить и удовлетворить растущее население. Мы не представляем, иссякнут ли экономические ресурсы западных демократий или наоборот либеральные идеи окажутся самыми надежными проводниками человеческого прогресса. Мы также не знаем, смогут ли государственно-капиталистические модели будущего функционировать лучше, чем современная свободная социально-рыночная экономика. Западу и странам БРИКС еще не поздно договориться об общих правилах будущего мирового порядка.

Россия занимается строительством нескольких новых многосторонних организаций, которые совместно — хотя пока им еще далеко до полного внутреннего единства, — безусловно, способны выступать в качестве противовеса западным институтам. Крупнейшей организацией является ШОС, которая будет играть стабилизирующую роль на границе Евразии, вплоть до Большого Ближнего Востока, после вывода натовских войск из Афганистана. На постсоветском пространстве Евразийский союз развивается успешно как новая региональная организация. Организация Договора о коллективной безопасности является существенным военным фактором для Центральной Азии. Кроме того, Россия инициировала создание газовой ОПЕК, представляющей собой пока беззубого тигра, но обладающей несомненным потенциалом для развития в грядущих энергетических и политических конфликтах. Призыв Путина на последней встрече газовой ОПЕК в Москве создать

общий рычаг воздействия производителей газа на его потребителей в Европе, которые в свою очередь пытаются демополизовать такие компании, как «Газпром», — попытка демонстрации силы этой организации.

Для поддержки идеи многополярного мироустройства Россия нуждается в Китае — и наоборот. Только вместе они могут обеспечить трансформацию G8 в G20 и изменить действующий Вашингтонский консенсус либеральной мировой торговли, ввести альтернативные доллару США валюты в мировой торговле и реформировать ВТО. Россия и Китай сами по себе слишком слабы для выполнения этой задачи. Но институционализация форума стран БРИКС,

Для поддержки идеи многополярного мироустройства Россия нуждается в Китае — и наоборот. Только вместе они могут обеспечить трансформацию G8 в G20 и изменить действующий Вашингтонский консенсус либеральной мировой торговли, ввести альтернативные доллару США валюты в мировой торговле и реформировать ВТО.

ВВП которых составляет 40 процентов мировой экономики, придает организации дополнительный вес.

Как будет выглядеть единая система экономики и безопасности в Азии, сейчас неясно. Ее контуры зависят от роста Китая. Но Азия ориентируется не на G8, а на G20.

Запад и Россия сегодня конфликтуют из-за разных ценностей. Но в будущем вопрос, будет ли Россия управляться демократически или централистически, станет ли она следовать идее рыночной экономики или государственного капитализма, ныне уже не имеет принципиального значения перед лицом тех опасностей, которые угрожают миру завтрашнего дня. Конфликты будущего разразятся не по параллелям, а по меридианам — между Востоком и Западом, а

Севером и Югом. Однако из-за возвращения России к более авторитарному стилю правления при Путине Запад отказывается иметь союз с Москвой. Отказ Запада вынуждает Россию выстраивать иные альянсы — уже в Азии. И подобные альянсы способствуют формированию многополярного миропорядка. У значительной части населения России, как представляется, имеется четкое убеждение, что Россия должна развиваться автономно.

Никто добровольно не отказывается от власти и влияния, и Запад остается по-прежнему убежденным в устойчивости собственной глобальной значимости, поскольку обладает самым мощным военным потенциалом. Но как долго это будет продолжаться?

Каков будет вес G20? Для некоторых европейцев потенциал «двадцатки» — это кошмар. Однако у G20 в качестве неофициального мирового правительства нет альтернативы. За исключением разве что того случая, когда Совет Безопасности ООН по собственной воле будет реформирован и не только западные страны, Россия и Китай, но и другие державы, которые будут реально контролировать мировую экономику и глобальную безопасность, обретут в нем полноправное членство. Но проблема блокирования решений налагаемыми отдельными членами такого клуба вето никуда не денется, поэтому идея мирового правительства представляется утопичной. ☞

Авторизованный перевод с немецкого